

Панель

4

Направления культурологических сдвигов в России

Вопросы для обсуждения:

1. Новые ценности, жизненные ориентиры, критерии оценки себя и других.

В какой мере и на каком материале можно говорить о возникновении новых ценностей и ориентаций в тех или иных группах и слоях населения? В каких группах населения и сферах жизни.— экономике, повседневной жизни, профессиональном самоопределении, национальных отношениях — они складываются или уже сложились? О каких ценностях, символах, образах и стилях жизни здесь можно говорить, каков их генезис, каналы передачи, механизмы воспроизводства?

2. Ценностные конфликты, проблемы выбора.

Как взаимодействуют "старые" и "новые" ценности в сознании и поведении различных групп? Каковы механизмы их сосуществования? Можно ли говорить о ценностных коллизиях и конфликтах — внутригрупповых, межгрупповых (в частности, межпоколенческих), каковы механизмы их разрешения? Какие новые, собственно культурные группы кристаллизуются вокруг новых ценностей, с какими видами поведения — досугового, демонстративного, модного и т.п.?

3. Культура и экономика. Проблемы деловой культуры, ее локальные стандарты и универсальные нормы.

Культура и коммерция. Коммерция и "национальный характер". Интеллигенция и коммерция.

4. "Кризис культуры" как диагноз и как предмет анализа. Сознание "кризиса" как форма коллективной (групповой) реакции на изменения и механизм адаптации к ним.

Какие группы поднимают вопрос о крахе культуры? На какие комплексы старых и новых идей, настроения, факты они при этом опираются? В какой мере получают поддержку широких кругов населения? Конец культуры или этап модернизации?

*А.Г.Вишневский,
действительный член
Российской академии естественных наук,
Институт народнохозяйственного
прогнозирования РАН*

Модернизация России: позади или впереди?

В истории России не было периода более напряженного, более насыщенного событиями, более богатого результатами, чем уходящий XX в. Такое видение отечественной истории не соответствует ощущениям многих наших сограждан, убежденных в том, что страна за 70 лет советского периода как бы "выпала из истории". Это настроение выражено, в частности, в

известных словах Солженицына: "Весь XX век жестоко проигран нашей страной... Из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище"*.

Между тем именно на XX в. пришлась кульминация модернизации российского общества, т.е. его превращения из традиционного, аграрного, сельского, патриархального, холистского** в современное, индустриальное или "постиндустриальное", городское, демократическое, индивидуалистское. Эта великая социальная мутация началась в России несколько столетий тому назад и еще не завершилась. Но перевал пройден, пик модернизационных перемен, который выпал на XX столетие, уже позади. Впереди же — продолжение и завершение модернизации, приспособление социальных структур, институтов и ценностей к новому качественному состоянию общества, приобретенному в результате многих недавних перемен. Центральное место среди них принадлежит трем развернувшимся с конца 20-х годов "революциям": экономической, городской и демографической.

Экономическая революция. Смысл совершившейся в СССР экономической революции полностью раскрывается стереотипной фразой: превращение страны из аграрной в индустриальную. Едва ли стоит повторять хорошо известные данные об огромном росте промышленного производства в СССР. В середине 80-х годов он принадлежал к числу мировых промышленных гигантов, входил, нередко занимая первое место, в тройку крупнейших производителей электроэнергии, нефти, природного газа, угля, железной руды, чугуна, стали, алюминия, золота, цинка, минеральных удобрений, серной кислоты, цемента и т. д. На долю СССР приходилось свыше четверти мирового экспорта вооружений***. Страна первой в мире вышла в космос, обладала огромной военной мощью, владела новейшими ядерными технологиями. За пять-шесть десятилетий в корне изменились важнейшие макроэкономические пропорции. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%, занятого в промышленности и строительстве выросла с 8 до 38%****. Вклад в национальный доход сельского хозяйства уменьшился с 54 до 19%, промышленности и строительства вырос с 29 до 56%*****.

Тем не менее СССР не был передовой промышленной державой, в его экономике все еще оставалось много архаичных черт. По доле занятых в сельском хозяйстве он был близок к таким странам, как Испания, Португалия или Ирландия, но не мог равняться с США (3% занятых в сельскохозяйственном производстве), Германией — ФРГ (5%), Францией (7%). Что касается доли занятых в промышленности, то здесь у СССР было больше сходства с развитыми странами, но при гораздо более высокой доле занятых в сельском хозяйстве это неизбежно означало неразвитость сферы услуг. В

* Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М., 1991. С. 24.

** Холизм — от греч. holos — целое.

*** La puissance economique. Atlas Hachette. Paris, 1990. P. 161, 196—197.

**** Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, С. 14.

***** Вайнштейн Альб. Народный доход России и СССР. М., 1969. С. 68, 96; Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990. С. 12.

1985 г. в СССР вклад промышленности и строительства в валовой национальный продукт составлял 45%, в США — 31%. На долю сельского хозяйства в СССР приходилось 17%, в США — всего 2%. Зато участие в создании валового продукта транспорта, связи, торговли и сферы услуг в СССР ограничивалось 38%, а в США на их долю приходилось 67%*. Примерно таким же было соотношение долей занятых в третичном секторе экономики СССР и США.

Отмеченные различия указывают на незавершенность экономической модернизации в СССР, однако если бы дело было только в этих количественных различиях, вопрос о завершении модернизации был бы относительно простым. Гораздо серьезнее обстоит дело с качественными отличиями от западных экономик, указывающими на противоречивость самой советской модели модернизации. Она позволила ценой огромных усилий создать современный производственный аппарат, подобный западному, и в этом смысле многие важнейшие этапы модернизации пройдены, они уже позади. Однако мобилизационная, централистская советская модель модернизации по самой своей природе не была ориентирована на создание главного механизма саморазвития и саморегулирования современной экономики — рынка, без чего вся экономическая система оставалась малоэффективной, застойной. Развитие рыночных отношений — необходимое условие завершения экономической модернизации России. Этот ее этап еще впереди.

Городская революция. Стремительно индустриализуясь, страна одновременно превращалась из сельской в городскую. Доля городского населения СССР увеличилась с 18% в 1929 г. до 66% в конце 80-х. Число городов-миллионеров выросло с 2 до 23, число городов-стотысячников только с 1939 по 1989 гг. — с 89 до 296%, доля населения одних лишь крупных городов (100 тыс. жителей и более) составила в 1989 г. 39%. Урбанизация продвинулась очень далеко, хотя говорить о ее завершенности все же было бы преждевременно. Среди шестидесятилетних жителей страны насчитывалось не более 15—17% коренных горожан. Среди 40-летних их было уже примерно 40%. И только среди 22-летних и более молодых — свыше половины. Но на долю этих последних приходилось 37% всего населения, меньшинство**. Так что к моменту распада СССР нельзя было сказать, что советское общество стало по преимуществу городским. Жители СССР все еще в большинстве были горожанами в первом поколении — наполовину или на три четверти горожане, а наполовину или на четверть крестьяне — и потому несли на себе печать промежуточности, маргинальности.

И снова, если бы речь шла только о количественных оценках, можно было бы утверждать, что городская революция в СССР, а тем более в России, где доля городского населения была выше среднесоюзной, в основном осталась позади. Беда, однако, в том, что советская урбанизация была во многих отношениях столь же искусственной, сколь и индустриализация. Она не сопровождалась формированием полноценной городской среды, а главное, ростом средних социальных

* Народное хозяйство СССР в 1989 году. С. 675.

** Вишневский А.Г. На полпути к городскому обществу // Человек 1992. № 1 С. 24

слоев, буржуазии — естественного носителя городских отношений. Население урбанизировалось, но сами города рурализовались*, становились инструментом воспроизведения социальной маргинальности. Сейчас Россия, как и многие другие бывшие республики СССР, стоит на пороге завершающего этапа урбанизации: физическое пространство бесчисленных городов должно быть наполнено новым социальным содержанием, должны измениться социальная структура городского населения, стиль и принципы его жизни. Этот этап модернизации еще впереди.

Демографическая революция. Экономическая революция в корне изменила условия повседневной производственной деятельности людей, городская революция — условия их повседневного социального общения. Связанная и с тем, и с другим демографическая революция изменила условия частной, интимной жизни людей, затронула глубинные, экзистенциальные стороны человеческой личности. Главными количественными индикаторами демографической революции служат показатели снижения смертности и рождаемости. К середине 60-х годов средняя продолжительность жизни в СССР, по сравнению с началом века, увеличилась с 32 до 69 лет, он вошел в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью. В европейских республиках СССР соответственно снизилась и рождаемость, установился баланс рождаемости и смертности, характерный для экономически развитых стран. За этими количественными сдвигами стояли огромные качественные перемены. Коренным образом изменились демографическое и семейное поведение людей, семейные роли и ценности, положение женщин и детей, условия семейного воспитания, отношение к жизни, любви, смерти. Демографическая модернизация затронула самые глубинные структуры личности.

Однако и эта модернизация не была и не могла быть доведена до конца. Внешне она обеспечила довольно значительную конвергенцию демографического поведения и его результатов в СССР и в западных странах, причем совершившиеся здесь перемены необратимы. В этом смысле многие важнейшие этапы демографической модернизации уже позади. Но низкая ценность человеческой жизни, архаичная структура причин смерти, нарастающее в течение тридцати лет отставание от Запада по уровню средней продолжительности жизни, огромное число аборт, сохранение консервативных взглядов на семейную жизнь, положение женщины и прочее указывают на то, что и демографическая модернизация не завершена. Идеологические шоры, низкий уровень благосостояния, патерналистская социальная политика, ограничение свободы передвижения, свойственные советскому периоду, по самой своей сути противоречили главному принципу, утверждающемуся в ходе демографической модернизации, — принципу свободы индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека. Для того чтобы преодолеть препятствия, возникшие на пути снижения смертности, улучшения здоровья населения, усвоения современных моделей семейной жизни, повышения территориальной мобильности населения и

* От слова rural (фр.) — сельский.

т. д., необходимо преодоление социокультурной маргинальности, унаследованной от советского периода, обновление всей системы ценностей, рост индивидуальной активности. Эти этапы модернизации еще впереди.

Экономическая, городская и демографическая революции резко расширяют область человеческой свободы и потому делают объективно возможным гражданское общество, основанное на либеральных принципах, противостоящих средневековой "соборности", поглощению личности государством, общиной, церковью, этносом, семьей и т. д. Даже в том незавершенном виде, в каком три революции реализовались в России к настоящему времени, они вплотную подвели ее к реализации этих принципов. Страна, народ, общество стали совершенно иными, не теми, какими они были еще в начале века. Возврата к прошлому нет. Однако и движение вперед затруднено. Незавершенность модернизации в наших условиях означает не просто то, что прошло недостаточно времени от начала процесса и надо лишь подождать, пока новые формы социального бытия окончательно созреют. Дело в том, что исчерпал свои возможности сам советский путь модернизации. Он оказался типичным примером *третьего пути*, пытающегося сочетать технологический модернизм с социальной архаикой.

Сущность этого пути, на который с роковой неизбежностью сбиваются все страны догоняющей модернизации, свойственные ему политические и экономические формы в свое время хорошо охарактеризовал О. Шпенглер. "Власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему *служит*. Целое суверенно. Каждому отводится предназначенное ему место. Приказывают и повинуются. Все это, начиная с XVIII в., и есть авторитарный социализм, по своему существу чуждый либерализму, поскольку речь идет об английском либерализме и французской демократии- Приспособление этого организма, проникнутого духом XVIII в., к духу XX-го составляло задание *организаторов*"*.

Классический Запад, давший миру "дух XX в.", сделал это, опираясь не на суверенитет целого и не на "организаторов" в шпенглеровском смысле, а на множество центров принятия решений, в пределе — на каждое суверенное частное лицо. Там, где зародилась современная экономика, развитие промышленности, торговли, банковского дела поддерживалось усилиями множества предпринимателей-одиночек, их инициативой, конкурентной борьбой на рынке, возвышением или гибелью. В определенном смысле оно было естественным, спонтанным процессом, который одновременно был и процессом приспособления социальных структур и институтов, всего социума к новым условиям экономической жизни. Западные демократия и либерализм — естественная политико-идеологическая оболочка современного индустриального общества, неотделимая от него, как кожа от мышц.

Между тем все сторонники *третьего пути*, подобно Шпенглеру, надеются получить стальные мышцы индустриального Запада без его мягкой кожи, привить западные технологические вершки на свои социальные корешки. Соединение современных промышлен-

* Шпенглер О. Прусская идея и социализм. Берлин. (Без даты.) С. 27

ных технологий с социальной архаикой — основная черта протофашистских идеологий "консервативной революции". Оно же стало характернейшей чертой большевизма после его прихода к власти. Соединение духа XVIII в. с духом XX в. в России и привело к тому, что современная промышленность была построена с использованием антирыночных принципов натурального хозяйства, средние слои были созданы без буржуазии, а рождаемость снизилась без применения контрацепции. По стандартам XVIII в. была возведена и пирамида власти, которая управляла всем этим хозяйством, — нечто вроде социалистического самодержавия, основанного на принципах строжайшего централизма.

Оглядываясь прежде всего именно на советский опыт, нельзя сказать, что *третий путь* абсолютно утопичен. Будучи генетически связанным с реакционным политическим и идеологическим тоталитаризмом, а, по ряду причин, и с милитаризмом, он при определенных условиях обладает высоким мобилизационным потенциалом и огромной эффективностью. Однако, в конечном счете, он оказывается тупиковым. Внутренняя, имманентная цель модернизации — устранение социальной архаики и расширение области индивидуальной и коллективной свободы. Индустриализация, урбанизация или снижение смертности — средства достижения этой цели. "Консервативно-революционный" *третий путь*, пусть и вынужденно, делает ставку на сохранение несвободы во имя достижения "технических" результатов. Но при этом происходит подмена цели средством, общество оказывается дезориентированным, после недолгого периода успехов модернизационные процессы начинают пробуксовывать, энергичное развитие сменяется застоем.

В конце концов привитая модернизацией технологическая новизна входит в острейшее противоречие с ветхозаветной социальной оболочкой, что неплохо описывается известной марксистской формулой о рассогласовании производительных сил и производственных отношений. Продолжение модернизации требует отказа от всех видов социальной архаики и утверждения принципов экономического и политического либерализма не потому, что они вообще лучше принципов "соборности", а потому, что все хорошо на своем месте. Российское общество необратимо изменилось и ощутило потребность в новых, принципиально иных, чем прежде, внутренних, встроенных в "тело" социальных субъектов механизмах целеполагания и целеосуществления в экономической, гражданской и частной жизни. Их создание — задача следующего этапа модернизации, он еще впереди.

Этот этап предполагает, в частности, коренную модернизацию системы власти, отказ от ее централистской модели, свойственной всем вариантам промежуточного, мобилизационного *третьего пути*. Это отнюдь не вопрос политических или идеологических симпатий и убеждений. Полицентрическая система управления более соответствует уровню сложности, разнообразия промышленно-городских обществ, в число которых уже прочно вошла Россия, несмотря на отмеченную выше незавершенность главных модернизационных процессов. Она *более эффективна*.

При переходе к новой модели социального управления власть и собственность рассредоточиваются, исчезает единый центр принятия

всех решений, он заменяется бесконечным множеством таких центров. На смену относительно немногочисленной и строго иерархизированной партийно-советской аристократии приходит новая "буржуазная" элита, намного более многочисленная и более независимая. В этом, собственно, и заключается смысл демократизации. Романтизация демократии в период борьбы за ее утверждение приписывает ей несуществующие добродетели, внутреннюю связь с нравственными ценностями, способность дать ответы на "вечные вопросы" и т.д. Это порождает в обществе несбыточные надежды, а в конечном счете, разочарование сторонников и злорадство противников демократии. Однако если сравнивать результаты экономической и политической демократизации в указанном выше смысле перехода от моноцентрического к полицентрическому социуму не с ожидаемым будущим, а с реальным прошлым, то общество оказывается в несомненном выигрыше. В конечном счете, оно становится более эффективным, более динамичным и более богатым, повышается качество функционирования всех его подсистем, улучшается социальное самочувствие людей, ощущающих себя более свободными. Вечные же вопросы остаются, конечно, нерешенными — иначе они не были бы вечными.

Но даже и такой относительный выигрыш не может быть получен в одночасье. Начатая Горбачевым перестройка объективно не могла быть ничем иным, как одновременным преобразованием структуры власти и собственности (из моноцентрической в полицентрическую) и их переделом (переходом в руки новых элит). Нелепо было ожидать, что эта перестройка осуществится в соответствии с этическими идеалами "шестидесятников" — для этого в советском обществе не было никаких предпосылок. Одна контролировавшая страну мафия распалась на множество более мелких, как правило, вылупившихся из прежней большой, генетически и идейно связанных с ней, — ничего иного и не могло произойти. Но коль скоро это совершилось, уровень монополизма резко понизился, и возник полицентрический мир, живущий по иным законам, с которыми рано или поздно придется считаться всем его юридическим и физическим обитателям.

Децентрализация власти и собственности с одновременным их переделом — сегодняшний этап модернизации российского общества. Эти два процесса переплетаются между собой, переплетается и оппонирование им со стороны всех недовольных. Недовольство велико, потому что такие перемены вообще болезненны. В постсоветском же обществе они болезненны вдвойне, ибо советское общество, из которого оно вышло, делало все возможное, чтобы внутри него не сложились оппозиционные, реформаторские силы, идеологии, программы, политические фигуры, могущие быть востребованными в постсоветской ситуации. Неудивительно, что вот уже десять лет общество движется на ощупь, методом проб и ошибок, с очень большими потерями, а это, естественно, подогревает массовое недовольство и усиливает критику происходящего.

Если очистить эту критику от романтической, демагогической и т.п. нагрузки, то останутся только два ее основных варианта. Один признает необратимость отказа от прежней системы монопольной власти и собственности и делает ставку на создание правовых и, вообще,

институциональных рамок для неидеализируемого полицентрического мира, основанного на борьбе всех против всех, с тем чтобы придать этой борьбе относительно безопасные, неразрушительные, цивилизованные, правовые формы. Это и есть путь демократии.

Второй вариант критики исходит из неверия в силы самоорганизации российского общества, которое, по мнению сторонников такой критики, может управляться только "сверху" — мудрым вождем или монархом, стало быть, из идеи реванша моноцентрической системы власти и собственности под прежними или сменившимися лозунгами. Такая критика неизбежно связана с идеализацией патриархальных и государственно-патерналистских исторических образцов, в них видят наилучшую опору для достижения экономической и военной мощи, государственного величия и т. п. Это — уже пройденный однажды и показавший свою неэффективность, блокирующий модернизацию путь тоталитаризма. На нем энергично настаивают сторонники прежних или новых сценариев *третьего пути*.

Вопрос. Какие социальные силы стоят за двумя названными Вами вариантами критики? И второй вопрос: действительно ли "реванш моноцентристской системы", а я думаю, что Вы дали весьма точное определение, объективно означает реставрацию тоталитаризма в прежнем виде, или это может быть модификация его прежних форм? Могут ли быть какие-либо другие формы?

Ответ. Я начну со второго вопроса, на него легче ответить. Ничто, конечно, не повторяется буквально. И, наверное, даже если "реванш" состоится, есть некоторые основания надеяться на то, что придется иметь дело с более мягким вариантом тоталитаризма, не точно таким, как прежний. Но поручиться нельзя. Он может оказаться и более жестким, самым жестким, какой только можно себе представить. Мы же видим людей, которые рвутся к власти. Окажется, допустим, Жириновский таким, как Сталин, таким, как Гитлер или каким-то третьим? Ведь это — последний шанс тоталитаризма в России. С другой стороны, возможности тоталитарной диктатуры сегодня, конечно, не те, что в 30-е годы, общество более зрелое, его труднее одурачить. Но до полной зрелости ему еще далековато, а ситуация быстро меняется, и смена ее вносит сумятицу в сознание. Не было чеченского конфликта — одна ситуация, появился он — и она сразу стала другой. Она как бы даже объективно меняется — хотя, на самом деле, может быть, и нет, может быть, она искусственно — и искусно — "подается" так, чтобы дезориентировать общественное мнение, — тогда общество можно брать голыми руками.

А теперь более сложный, первый вопрос — о социальных силах. Прежде всего я хотел бы сказать, что все-таки идеология имеет в какой-то мере самостоятельную жизнь. Она, конечно, связана с социальными силами, за ней должны стоять социальные силы, но здесь нет, так сказать, однозначного отображения. Реальные социальные силы порой не сразу осознают свои истинные интересы, могут неверно их понимать. Поэтому им можно "подсунуть" идеологию, не вполне отвечающую их интересам или вовсе им не отвечающую. Когда разберутся — будет поздно. Социальные силы, которые сейчас находятся

на общественной сцене, — это как раз те, кто активно участвуют в переделе власти и собственности. Он стал возможным в таких масштабах впервые за многие десятилетия. Различные силы рвутся к власти, боятся упустить свое, не понимают, что власть и собственность легче захватить, чем удержать. Серьезные социальные силы у нас еще не сформировались, не выкристаллизовались и не сплотились. Поэтому какая-то часть, допустим, банкиров, предпринимателей и т.д., может отойти к одному лагерю, другая — к другому, не осознавая, быть может, своих конечных интересов; представители одних и тех же социальных сил могут оказаться по разные стороны баррикад.

Есть силы реванша, это понятно. Есть силы, как-то к ним примыкающие. Эти, конечно, хотят моноцентрического политического мироздания. А есть и другие силы, которые уже почувствовали эффективность экономического и политического плюрализма. Я бы затруднился сейчас определить их с большей четкостью, тем более в привычных нам терминах классового анализа. Сказывается даже поколенческий разрез — это трудно связать с какими-то четкими социальными группами; по-видимому, пока не такие группы у нас действуют в основном.

Вопрос. У меня вопросы, связанные с понятием "социальной архаики". Вы вкладываете в нее какой-то мифологический смысл, не очень ясный. Разве социум все время после революции оставался самоотожествленным, не изменялся? В чем Вы видите признаки архаического социума, что вы туда включаете? И, во-вторых, в заключительной части Вашего доклада речь шла, по-моему, об архаичном социуме как о некоторой идеологеме, которая используется, например, журналом "Элементы", а не о том, как он понимался в первой части доклада.

Ответ. Знаете, мне кажется, что журнал "Элементы" как раз правильно использует это понятие, и я его использовал в таком же смысле. Другое дело, что я по-иному смотрю на его будущее. Что такое "архаичный социум" — это большой вопрос, но если коротко, то речь идет о холистском обществе, которое противопоставляется обществу индивидуалистическому. Это — некая целостность, пирамида, имеющая вертикальную структуру с единственной вершиной, с одним царем-батюшкой наверху. У нас "человек-винтик" считается образом более позднего происхождения, но нов здесь разве что "метизный" словарь. На самом же деле, это как раз главный признак социальной архаики: человек — интегральная, так сказать, невыделимая частица социальной целостности — Левиафана-государства до этноса или до семьи (Бердяев говорил о "малых левиафанах"). Пока такое общество и такой человек существуют, эффективны и те социальные структуры, институты и т.д., которые ориентированы на их сохранение и воспроизведение.

Когда же такое общество вступает в полосу модернизации, то постепенно модернизационные перемены — индустриализация, урбанизация и т.д. — даже в тех незавершенных формах, в каких они реализовались у нас, приводят общество в противоречие с его исходными, традиционными, холистскими принципами. Тогда и возникает кризис. Поэтому я, конечно, не говорю, что общество осталось прежним, архаичным. Осталась только ностальгия по тому обществу.

Вопрос. Поскольку семь лет назад я защищал французских "новых правых", у меня возникли вопросы: насколько вообще правомерно сравнивать наших, так называемых, "новых правых" с настоящими, французскими? Не кажется ли Вам, что здесь имеет место игра в термины, которую ведут Дугин и его компания? И еще один вопрос. Как согласуется мысль об универсализме *третьего пути*, якобы защищаемого "новыми правыми", с тем реальным признанием плюрализма культур и моделей развития, который типичен для настоящих "новых правых"?

Ответ. Я по поводу французских "новых правых" ничего не говорил. Это — не моя тема, так же как и немецкие "консервативные революционеры". Я могу только сказать, что наши сторонники *третьего пути* используют французских "новых правых", так сказать, в своих интересах — но не в полном противоречии с французским источником. Например, Ален де Бенуа издает по-французски нечто вроде антологии нацистской или протонацистской литературы, а Дугин оттуда черпает и переводит на русский. Кстати, Ален де Бенуа одно время числился членом редколлегии журнала "Элементы" вместе с Прохановым и др. Когда его во Франции в этом упрекнули, он сказал, что его включили в редколлегию без его ведома, в последних номерах он исчез из ее состава. Как хотите, так и толкуйте.

А что касается декларируемого плюрализма моделей *третьего пути*, то чем он отличается от декларированного в свое время плюрализма моделей социализма? Никто никогда не говорил, что социализм в России, на Кубе или в Китае должен быть одинаковым. Он и не был совершенно одинаковым. Одинаковыми были только некоторые черты, но настолько важные, что оставшийся плюрализм уже не играл существенной роли.

Вопрос. Есть правый проект будущего, есть журнал, который его разрабатывает. Но это — культурная игра. Меня интересует, видите ли Вы в принципе возможность в сегодняшнем информационном, культурном контексте, создания жизнеспособного государства, которое срастило бы дух XVIII и технологию XX в.? Насколько этот проект принципиально реализуем и, стало быть, может ли рассматриваться не в контексте примирения с реальностью каких-то культурных феноменов, а в контексте самой реальности?

Ответ. Я полагаю, что такой синтез невозможен, точнее, он не может быть эффективным. Но я не исключаю — и опасаясь этого, — что могут быть предприняты попытки осуществить такой проект. Лег на десять опять погрузить страну во все это, включая кровь и т.д., а потом опомниться и сказать: этот путь нам тоже не подходит.

Вопрос. Вы видите жизнеспособность этого проекта на десять лет?

Ответ. На штыках — да. На штыках можно продержаться. Реально — конечно, нет. Эффективно — в экономическом и социальном смысле — тем более нет.

Реплика: Немецкий фашизм продержался немногим более десяти лет.

Ответ. Он погиб под внешними ударами, но в конце концов внутренние процессы могут привести к тому же. Десять лет подобный режим продержаться может, но, я бы сказал, этого нам тоже не нужна